Литрес ≡ Классика

Чарльз Диккенс

СКРЯГА СКРУДЖ. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ В ПРОЗЕ

Чарльз Диккенс

Скряга Скрудж. Рождественская песнь в прозе

«ЛитРес»

1843

Диккенс Ч.

Скряга Скрудж. Рождественская песнь в прозе / Ч. Диккенс — «ЛитРес», 1843

Старый лондонский Скрудж – человек чёрствый, жадный и ненавидящий Рождество. В канун праздника ему являются духи прошлого, настоящего и будущего, которые проводят его через собственные воспоминания, чужие судьбы и пугающие картины грядущего. Это классическая святочная история о том, как встреча с совестью и состраданием способна преобразить даже самое ожесточённое сердце.

© Диккенс Ч., 1843
© ЛитРес, 1843

Содержание

Первая строфа 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Чарльз Диккенс
Скряга Скрудж.
Рождественская песнь в прозе

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

Первая строфа
Призрак Марлея

Начнем сначала: Мэрлей умер. В этом не может быть и тени сомнения. Метрическая книга подписана приходским священником, причетником и гробовщиком. Расписался в ней и Скрудж, а имя Скруджа было громко на бирже, где бы и под чем бы ему ни благоугодно было подписаться.

Дело в том, что старик Мэрлей вбит был в могилу, как осиновый кол.

Позвольте! Не подумайте, чтобы я самолично убедился в мертвенности осинового кола: я думаю, напротив, что ничего нет мертвеннее в торговле гвоздя, вколоченного в крышку гроба…

Но… разум наших предков сложился на подобиях и пословицах, и не моей нечестивой руке подобает коснуться священного кивота веков – иначе погибнет моя отчизна…

Итак, вы позволите мне повторить с достодолжною выразительностию, что Мэрлей был вбит в могилу, как осиновый кол…

Спрашивается: знал ли Скрудж, что Мэрлей умер? Конечно, знал, да и как же не знал-то бы? Он и Мэрлей олицетворяли собою торговую фирму.

Бог весть – сколько уж лет Скрудж был душеприказчиком, единственным поверенным, единственными другом и единственным провожатым мерлевского гроба. По правде, смерть друга не настолько его огорчила, чтобы он, в самый день похорон, не оказался деловым человеком и бережливым распорядителем печальной процессии.

Вот это-то слово и наводит меня на первую мою мысль, а именно, что Мэрлей, без сомнения, умер, и что, следовательно, если бы не умер он, в моем рассказе не было бы ничего удивительного.

Если бы мы не были убеждены, что отец Гамлета умер до начала пьесы, никто из нас не обратил бы даже и внимания на то, что господин почтенных лет прогуливается некстати, в потемках и на свежем ветерке, по городскому валу, между могил, с единственной целию – окончательно расстроить поврежденные умственные способности своего возлюбленного сына. Что касается собственно Скруджа, ему и в голову не приходило вычеркнуть из счетных книг имя своего товарища по торговле: много лет после смерти Мэрлея над входом в их общий магазин красовалась еще вывеска с надписью: «Скрудж и Мэрлей». Фирма торгового дома была все та же: «Скрудж и Мэрлей». Случалось иногда, что некоторые господа, плохо знакомые с торговыми оборотами, называли этот дом: Скрудж – Скрудж, а иногда и просто: Мерлей; но фирма всегда готова была откликнуться одинаково на то или на другое имя.

О! Скрудж вполне изучил свой ручной жернов и крепко держал его в кулаке, милейший человек – и старый грешник: скупец напоказ, он умел и нажать, и прижать, и поскоблить, а главное – не выпустить из рук. Неподатлив он был и крепок, как ружейный кремень, – из него же даром и искры не выбьешь без огнива; молчалив был, скрытен и отшельнически замкнут, что устрица. Душевный холод заморозил ему лицо, защипал ему заостренный нос, наморщил щеки, сковал походку и окислил голос. Постоянный иней убелил ему голову, брови и судорожно-лукавый подбородок. Всегда и повсюду вносил он с собою собственную свою температуру – ниже нуля, леденил свою контору даже в каникулы и ради самых святок не возвышал сердечного термометра ни на один градус.

Внешний жар и холод не имели на Скруджа ни малейшего влияния: не согревал его летний зной, не зяб он в самую жестокую зиму; а между тем резче его никогда не бывало осеннего ветра; никогда и никому не падали на голову так беспощадно, как он, ни снег, ни дождик; не допускал он ни ливня, ни гололедицы, ни изморози – во всем их изобилии: этого слова Скрудж не понимал.

Никто, и ни разу не встречал его на улице приветливой улыбкой и словами: «Как вы поживаете, почтеннейший мистер Скрудж? Когда же вы навестите нас?» Ни один нищий не решился протянуть к нему руки за полушкой; ни один мальчишка не спросил у него: «Который час?» Никто, ни мужчина, ни женщина, в течение всей жизни Скруджа, не спросили у него: «Как пройти туда-то?» Даже собака – вожатый уличного слепца, кажется, – и та знала Скруджа: как только его увидит, так и заведет своего хозяина либо под ворота либо в какой-нибудь закоулок и начнет помахивать хвостом, словно выговаривает: «Бедняжка мой хозяин! Знаешь ли, что лучше уж ослепнуть, чем сглазить добрых людей?»

Да Скруджу-то что за дело? Именно этого он и жаждал. Жаждал он пройти жизненным путем одиноко, помимо толпы, с вывеской на лбу: «Па – ади – берегись!» А затем – «И пряником его не корми!» – как говорят лакомки-дети.

Однажды в лучший день в году, в сочельник, старик Скрудж сидел в своей конторе и был очень занят. Морозило; падал туман; Скруджу было слышно, как прохожие по переулку свистят себе в кулаки, отдуваются, хлопают в ладоши и отплясывают на панели трепака, чтобы согреться.

На башне Сити пробило только – еще три часа пополудни, а на дворе было уж совсем темно. Впрочем и с утра не светало, и огни в соседних окнах контор краснели масляными пятнами на черноватом фоне густого, почти осязательного воздуха. Туман проникал в дома

во все щели и замочные скважины; на открытом воздухе он до того сплотился, что, несмотря на узкость переулка, противоположные дома казались какими-то призраками. Глядя на мрачные тучи, можно было подумать, что они опускаются ближе и ближе к земле с намерением – задымить огромную пивоварню.

Дверь в контору Скруджа была отворена, так что он мог постоянно следить за своим приказчиком, занятым списыванием нескольких бумаг в темной каморке – нечто вроде колодца. У Скруджа еле-еле тлел в камельке огонь, а у приказчика еще меньше: просто один уголек. Прибавить к нему он ничего не мог, потому, что корзинка с угольями стояла в комнате Скруджа, и всякий раз, когда приказчик робко входил с лопаткой, Скрудж предварял его, что будет вынужден с ним расстаться. Вследствие сего приказчик обматывал себе шею белым «носопрятом» и пытался отогреться у свечки; но при таком видимом отсутствии изобретательности, конечно, не достигал своей цели.

– С праздником, дядюшка, и да хранит вас бог! – раздался веселый голос.

Голос принадлежал племяннику Скруджа, заставшему дядюшку врасплох.

– Это еще что за пустяки? – спросил Скрудж. Племянник так скоро шел к нему и так разгорелся на морозном тумане, что щеки его пылали полымем, лицо раскраснелось, как вишня, глаза заискрились и изо рту валил пар столбом.

– Как дядюшка: святки-то пустяки? – заметил племянник Скруджа. – То ли вы говорите?

– А что же? – ответил Скрудж. – Веселые святки. Да какое у тебя право – веселиться? Разоряться-то на веселье какое право?.. Ведь и так уж беден…

– Полно же, полно! – возразил племянник. – Лучше скажите мне: какое у вас право хмуриться и коптеть над цифирью?.. Ведь и так – уж богаты.

– Ба! – продолжал Скрудж, не приготовившись к ответу, и к своему «Ба!» прибавил: – Все это – глупости!

– Перестаньте же, дядюшка, хандрить.

– Поневоле захандришь с такими сумасшедшими. Веселые святки! Ну его, ваше веселье!.. И что такое ваши святки? Срочное время – платить по векселям; а у вас пожалуй, и денег-то нет… Да ведь с каждыми святками вы стареете на целый год и припоминаете, что прожили еще двенадцать месяцев без прибыли. Нет! Будь моя воля, я каждого такого шального за поздравительные побегушки приказал бы сварить в котле, – с его же пудингом, похоронить, да уж заодно, чтобы из могилы не убежал, проткнуть ему грудь сучком остролистника… Это – вот так!

– Дядюшка! – заговорил было племянник, – в качестве адвоката святок…

– Что, племянничек? – строго перебил его дядюшка. – Празднуй себе святки, как хочешь, а уж я-то отпраздную их по-своему.

– Отпразднуете? – повторил за ним племянник. – Да разве так празднуют?

– Ну и не надо!.. Тебе я желаю на новый год нового счастья, если старого мало.

– Правда, мне кой-чего не достает… Да нужды нет, что новый год ни разу еще не набил мне кармана, а все-таки святки для меня – святки.

Приказчик Скруджа невольно зарукоплескал этой речи из известного нам колодца; но, поняв все неприличие своего поступка, бросился поправлять огонь в камельке и затушил последнюю искру.

– Если вы еще затушите, – сказал ему Скрудж, – вам придется праздновать святки на другом месте. А вам, сэр, прибавил он, обратившись к племяннику, я должен отдать полную справедливость: вы – превосходный вития и напрасно не вступаете в парламент.

– Не сердитесь, дядюшка, будет! Приходите к нам завтра обедать.

Скрудж ему ответил, чтобы он пошел к… Право, так и сказал, все слово выговорил, – так-таки и сказал: «Пошел…» (Читатель, может, если заблагорассудит, договорить слово).

– Да почему же? – вскрикнул племянник. – Почему?

– А почему ты женился?

– Потому, – что влюбился.

– Любовь! – пробормотал Скрудж, да так пробормотал, как будто бы, после слова «Новый год», «любовь» была самым глупым словом в мире.

– Послушайте, дядюшка! Ведь вы и прежде никогда ко мне не заходили; причем же тут моя женитьба?

– Прощай! – сказал Скрудж.

– Я от вас ничего не желаю, ничего не прошу; отчего же нам не остаться друзьями?

– Прощай! – сказал Скрудж.

– Я истинно огорчен вашей решимостью… Между нами, кажется, ничего не было… по крайней мере, с моей стороны… хотелось мне провести с вами первый день, – ну? что ж делать! я все-таки повеселюсь – и вам того же желаю.

– Прощай! – сказал Скрудж.

Племянник вышел из комнаты, ни полсловом не выразив своего неудовольствия; но остановился на пороге и поздравил с наступающим праздником провожавшего его приказчика, а в том, несмотря на постоянный холод, было все-таки больше теплоты, чем в Скрудже. Поэтому он отвечал радушно на приветствие своего поздравителя, так что Скрудж услыхал его слова из своей комнаты и прошептал:

– Вот, еще дурак-то набитый! Служит у меня приказчиком; получает пятнадцать шиллингов в неделю; на руках жена и дети; а туда же – радуется празднику!.. Ну, как же не сам напрашивается в дом сумасшедших?

В это время набитый дурак, проводив племянника Скруджа, ввел за собою в контору двух новых посетителей; оба джентльмена казались крайне порядочными людьми, с благовидной наружностью, и оба при входе сняли шляпы. В руках у них были какие-то реестры и бумаги.

– Скрудж и Мэрлей, кажется? – спросил один из них с поклоном и поглядел в список. – С кем имею удовольствие говорить: с мистером Скруджем или с мистером Мэрлеем?

– Мистер Мэрлей умер семь лет тому, – ответил Скрудж. – Ровно семь лет тому умер, именно в эту самую ночь.

– Мы не сомневаемся, что великодушие покойного нашло себе достойного представителя в пережившем его компаньоне! – сказал незнакомец, предъявляя официальную бумагу, уполномочивавшую его на собрание милостыни для бедных.

Сомневаться в подлинности этой бумаги было невозможно; однако же при досадном слове «великодушие» Скрудж нахмурил брови, покачал головой и возвратил своему посетителю свидетельство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.